

«О, как ленив песок в песочных злых часах...»

Судьба немецкого этноса в России целиком и полностью определяет литературное творчество Виктора Гейнца: насильственное выселение, трудармия, дискриминация по национальному признаку, обманутые надежды, массовая эмиграция и новые разочарования. В его произведениях словно уместилась душа народа. Работающему в разных жанрах писателю удалось поднять тему российских немцев на такую высоту, с которой зримо и отчётливо проступает натруженная поступь российского немца, «уже в колыбели натянувшего сапоги, поскольку звёзды предвещали ему долгий и тяжкий путь» (Виктор Гейнец, стихотворение «Старик»).

Накануне юбилея корреспондент Надежда Рунде задала юбиляру несколько вопросов, ответы на которые, надеемся, будут интересны нашим читателям.

- Виктор Кондратьевич, судя по количеству написанного и переведённого Вами, очевидно, что для Вас важнее рабочие будни, чем праздничное веселье. Но, может быть, такой солидный юбилей станет исключением? Как бы Вы хотели отметить такую дату в идеале? Чего желали бы для себя как юбиляр?

- В общем, Вы правы. Мои будни должны быть хорошо насыщены, иначе бы меня стали мучить угрызения совести из-за лени или и того хуже: безделье могло бы привести к депрессии. Но это вовсе не означает, что я избегаю радостных праздников. Человек должен время от времени отдыхать, так сказать, отключаться от дел, извечной суеты. Это необходимое условие гармоничной жизни. А то, что я хотел бы себе пожелать к юбилею, это, в первую очередь, побольше здоровья. Слово юбилей в целом принято ассоциировать с понятием ликования, празднования. Но в таком солидном возрасте буйное веселье под силу лишь законченным оптимистам, а я себя к таковым не отношу. И вообще, свойство становиться старше - это само по себе не заслуга и не достижение человека. Просто это некая данность, избежать которой пока что никому не удавалось!

- Говоря о жизни... Что для Вас искусство жить и что в жизни является самым важным и значимым?

- Это для меня вопрос не из лёгких. В детстве и юности было очень важно обладать искусством выживания, то есть нужно было суметь выстоять, выдержать всё то, что обрушилось на голову моего поколения. Эту школу жизни я прошел! Некоторым это удалось лучше, другим - хуже. А что касается общей жизненной позиции, люблю честность и правдолюбие. Жить согласно этим понятиям всегда было моим жизненным кредо.

- Как Вы ощущали и воспринимали свою немецкость начиная с детства? Как проклятие или, вопреки обстоятельствам, как дар судьбы, как некую избранность? Как с годами менялось это восприятие и как на это влияло Ваше окружение?

- Когда в 1941 году немецкий народ выслали из западной России в Северный Казахстан и в Сибирь, многие молодые люди не могли сориентироваться в ситуации и под прессингом неприятия всего немецкого проклинали своё происхождение. Я благодарю Бога за то, что избежал подобной участи. Моя ситуация несколько отличалась тем, что дедушка с бабушкой ещё в 1906

году поселились в Сибири, так что нас просто-напросто дальше некуда было депортировать. Я вырос в немецкой деревне, в которой говорили только на немецком диалекте. Здесь я чувствовал себя дома. Немецкий язык являлся и является моим родным, материнским языком. Хотя это, конечно, не означает, что моих родителей обошла стороной горькая чаша изгоев, из которой довелось хлебнуть во время войны всем российским немцам. Такие понятия, как трудармия и спецпоселение, были знакомы нашей семье не понаслышке.

- Вы родились в 1937 году. В стихотворении, посвящённом своим сверстникам, Вы многое объясняете посредством поэзии. Например: «Отчего же тогда уже сердце болело?», «...И почему так полон страха был мой первый крик?», «Когда мне отсекали пуповину, я слышал выстрел...», «О, как ленив песок в песочных злых часах!» (из стихотворения «Меч возмездия») или «Война нас толкала в помойные ямы, прежде чем на ноги стали мы шатко. Нас тяжело рожали голодные мамы, отцы умирали в тайге и на шахтах» («Моим ровесникам»). Понятно, какие самые запоминающиеся ощущения Вы вынесли из детских лет и как это повлияло в последующем на Ваше литературное творчество, на выбор тем. Судьба немецкого этноса в России в Вашем творчестве определяющая. Как с переездом в Германию менялось Ваше авторское восприятие и как отразилось на литературном творчестве?

- Вначале, в общем, ничего не изменилось. Несколько лет я сотрудничал с газетой «Ост-Вест-диалог», которая только вышла в свет под редакцией Теодора Шульца. На страницах этой газеты мы обсуждали десятилетиями замалчивавшиеся проблемы российских немцев. Но со временем к ним добавилась ещё одна, более актуальная тема: признание нас как немцев из России, которые здесь оказались не так желанны, как мы себе это представляли. Первый Президент России вместо того, чтобы восстановить разрушенную Автономную Республику Немцев Поволжья, предложил немцам отравленную ракетами территорию. Здесь, в Германии, один из левых политиков выразил своё мнение, что он больше приветствует африканцев, преследуемых на их собственной родине, чем депортированных немцев из России. Эта оценка отразилась в моей поэме «Германия, осенняя сказка» и в других моих коротких рассказах.

«Ты несешь чепуху! Ну какой фатерланд?

Молотишь такое - хоть смейся!

В Германии немцев нет уже.

Здесь одни европейцы».

- Расскажите, пожалуйста, как Вы пришли к поэзии и кто Ваши любимые писатели.

- Когда я со своими сверстниками пошёл в школу, мы плохо понимали порусски и не владели разговорной речью. Только после того, как научились писать и читать на русском языке, мы смогли познакомиться с произведениями русской литературы. О любимых писателях в то время ещё не могло быть и речи, мы поглощали всё, что попадало под руки. Во-первых, классику русской литературы из школьной хрестоматии, затем были Вальтер Скотт, Жюль Верн, Джек Лондон. Началом моей литературной деятельности можно считать студенческие годы в педагогическом институте в

Новосибирске, где немецкий язык и немецкая литература выдвинулись на первое место.

- Каково это - творчески осмысливать различные перипетии жизни? Какой жанр в этом контексте Вам наиболее близок?

- Я даже не могу сказать, что я больше предпочитаю. Начинал я со стихов, потом стал писать короткие рассказы, позже добавилась ещё пара романов. В 80-е годы меня взяли в оборот артисты из немецкого театра из Темиртау и Алма-Аты и потребовали, чтобы я писал им театральные сцены из жизни российских немцев. Так в муках родилась трилогия «На волнах столетий», которую с большим успехом ставили на многих сценах Казахстана, России, в ФРГ и ГДР.

- Великое явление - учительство и ученичество. Как Вы учили студентов? Чем удавалось затронуть их души? Были ли у Вас какие-то свои особенные подходы к студентам?

- Я всегда с большой благодарностью вспоминаю это время. Я преподавал на немецком филологическом отделении при факультете иностранных языков, на которое принимались в основном абитуриенты - немцы по национальности, и их упрямо называли «спецгруппой». В этом не было злого умысла, просто в то время так называемая терминология МВД всё ещё была в ходу. (С таким пониманием названия «спецгруппа» вряд ли можно согласиться: немецкие филологические отделения, «спецгруппы», на факультетах иностранных языков так назывались потому, что, в отличие от общих, они были действительно особыми, именно специальными - во-первых, потому, что формировались из студентов-немцев, а во-вторых, и это главное, потому что для них были особые, специальные учебные планы в соответствии со специальностью - «учитель немецкого языка и литературы для немецких школ», в соответствии с этим преподавание спецдисциплин в них велось, в отличие от общих групп, только на немецком языке. - Ред.) О каких-то особых видах работы не было и речи. Я просто имел счастье преподавать немецкую литературу. Это был мой любимый предмет, и у меня была возможность привить к нему интерес и очаровывать своих воспитанников прекрасными произведениями немцев.

- Что вспоминается со времён редакционной работы в газетах? Чем было интересно то время?

- После коварной болезни и тяжёлой операции мне было сложно продолжать преподавание в институте, и я начал работу в немецкоязычной газете «Фройндшафт», «Дойтче Аллгемайне» в Целинограде и Алма-Ате, куда редакция меня приглашала и ранее, я и так уже многие годы был там постоянным сотрудником. Я получил работу литературного редактора, о чём не пожалел. Времена так называемой перестройки всех переполошили и взбудоражили сознание людей. Целая куча рукописей появилась на моём редакционном столе, всё было ново, всё было интересным, но подавалось в крайне неудовлетворительном языковом качестве. Здесь-то и началась моя истинная «работа над ошибками».

- Как Вы общаетесь с коллегами? Великий Гёте о нравах творческой братии высказался довольно метко: «Где рифмач, не возомнивший, что второго нет такого? Где скрипач, который мог бы предпочесть себе другого?».

- Тщеславие действительно существует и, как известно, не только в кругу поэтов. Я человек, который сторонится конфликтов и не общается с агрессивными людьми, ибо такие контакты приносят больше боли, чем благословения.
- Какой должна быть семья писателя? Ему наверняка нужна какая-то особая среда благоприятствования...
- Я никогда не видел себя в роли морального апостола и не могу ответить на этот вопрос. За то, как в семье складываются отношения друг к другу, ответственны лишь супруги. Всякую помощь извне я считаю бессмысленной.
- Ваши дети идут по Вашим стопам? Проявляют интерес к литературе?
- Я думаю, что так не всегда происходит. Но креативные черты они всё же унаследовали, Старшая (50) стала дизайнером, вторая (46) работает в туристическом агентстве. Владеет, кроме русского, немецким, испанским и итальянским языками, делает переводы стихов с русского на немецкий язык. Самая младшая (35) окончила университет в Гёттингене и защитила докторскую диссертацию.

«Neues Leben», 2013 год.